

Ирина Александровна, в музейном деле вы уже 60 лет. Как изменилась публика, которая приходит в музеи?

- Знаете, публика всегда разная по определению. В музей приходят совсем маленькие дети, посещающие занятия нашей изостудии, и люди моего возраста. Я замечаяю, как меняется отношение зрителей к искусству. И все больше проникаю мыслью, что музей - это фантастическое учреждение, где сталкиваются эпохи. У нас в ГМИИ представлены произведения за семь тысяч лет начиная с V тысячелетия до нашей эры! Люди видят не только, скажем, Древний Египет, но и новейшее искусство. Мыслящий человек не может в таком месте не вступать в диалог со временем. Он вдруг понимает: то, что нас безумно волнует сегодня, оказывается, волновало и древнего египтянина. И еще трудно не заметить, что идет возвращение к каким-то формам искусства. Это подпитка классикой, традицией. Причем традицией не только европейской.

А с чем связано, что некоторые зрители в музее очень быстро устают? Есть даже такой термин «музейная усталость».

- Происходит это не от ходьбы. А оттого что в сознании зрителя отпечатываются разные образы, и они вступают с ним в диалог. Памятники молчаливы, но они «вещают». Даже если человек не слишком внимательно их рассматривал.

Правда, нам, музейщикам, хочется, чтобы люди не просто пробежали глазами по произведениям, а сопоставляли, активно размышляли. Мы придерживаемся той точки зрения, что в музее существуют памятники культуры и зрителя, мы же только посредники между ними.

В своих проектах музей нередко соединяет пластическое искусство. Это находило отражение и в фестивале «Декабрьские вечера», и на фестивалях, посвященных Шостаковичу, «Евгению Онегину» Пушкина, и в таких масштабных выставках, как «Москва-Париж», «Москва-Берлин»... Какие вы преследуете цели, сочетая в своих стенах разные жанры?

- Это позволяет рассмотреть какое-то явление искусства более тщательно. Придает действию больший объем, зрелищность и в итоге обогащает зрителей. По правде говоря, мы уже давно являемся музеем изящных искусств, а не только изобразительных.

Создателем музея был профессор Московского университета Иван Владимирович Цветаев. Почему же ГМИИ носит имя Пушкина?

- Такое решение было принято в 1937 году. Впоследствии наш музей и стал известен во всем мире как носящий имя Пушкина. Из сотни лет своего существования он большую часть прожил с этим великим именем. Кстати, мы стараемся максимально соответствовать «мировой отзывчивости» поэта. Его мир - это и Овидий, и Байрон, и Сикстинская мадонна... И есть ли смысл менять наше название, не знаю... Во всяком случае я сделать это не могу.

Но изначально музей был основан на просветительских идеях Цветаева, не так ли?

- Музей создавался при Московском университете. И, естественно, на начальном этапе там главенствовала просветительская идея (да, собственно, мы от нее никогда не отказывались). Но потом, когда Иван Владимирович стал директором музея, у него в дневнике появилась запись: «...со временем к нам войдет Роден». А Роден жил с ним в одно время. Значит, Цветаев, будучи крупнейшим специалистом по античным надписям (он дешифровал, в частности, письменность племен ооски), умел оценить и современное искусство. Кредо ГМИИ - совмещать прошлое и сегодняшний день.

Помните, Анастасия Цветаева ратовала за то, чтобы имя ее отца было увековечено в названии...

- Да, Анастасия Ивановна неоднократно говорила со мной об этом. И ученый совет музея принял решение: со временем, когда будет построено здание для картинной галереи, этот исторический дом, где ос-

Когда-то скромный музей при Московском университете, созданный профессором Иваном Цветаевым, сегодня известен во всем мире. Речь идет о Государственном музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. О его прошлом и настоящем наша беседа с директором музея Ириной Антоновой.

Ирина Александровна Антонова родилась в Москве. Окончила МГУ. С 1945 года работает в ГМИИ имени А.С. Пушкина. С 1961 года - его директор. Заслуженный деятель искусств России, лауреат Государственной премии РФ. Действительный член Российской академии художеств. Академик Российской академии образования. Член-корреспондент академии Сан-Фернандо в Мадриде. Член Международного совета музеев при ЮНЕСКО.

ФОТО ИТАР-ТАСС

Ирина АНТОНОВА: В МУЗЕЕ МЫ ВЕДЕМ ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

танется мемориальная часть коллекции, надо назвать домом Цветаева. Кстати, картинная галерея въезжала сюда уже после смерти Ивана Владимировича.

То есть постепенно будет складываться «музейный городок», о котором мечтал Цветаев?

- Мы бы рады, да только не все от нас зависит...

Потому что ведется борьба за каждый клочок земли в центре Москвы?

- В последние годы и эта борьба идет, и передел собственности в сфере культуры... За 100 лет наши фонды выросли более чем в 60 раз - с 9 тысяч экспонатов до 570 тысяч. Но мы развиваемся практически на тех же площадях. Да, нам дополнительно в наше владение дали несколько небольших особнячков, где у нас сейчас расположена графика, экспонируются личные коллекции... Однако помещений все равно явно недостаточно.

В итоге столь важную для музея научно-выставочную работу приходится совмещать с вопросами, далекими от искусства. И вместо диалога со зрителями его чаще приходится вести с Министерством культуры и массовых коммуникаций РФ, с чиновниками, строителями, с теми, кто передает нам здания, доведенные, как говорится, до ручки. Скажем, бывший музей Маркса и Энгельса (в последние годы там было Дворянское собрание) мы получили будто после разгрома вандалов.

ГМИИ — музей мирового значения. Однако для большинства людей из российской глубинки он остается далекой планетой. Нет ли у вас каких-то проектов, связанных с регионами?

- Мы хотим сотрудничать с регионами. У нас в запасниках очень много ценного, что мы можем вывозить. Это прекрасные вещи. Они ничуть не хуже тех, которые входят в постоянную экспозицию. К тому

же в провинциальных музеях произведений мирового искусства, как правило, мало, и познакомиться с ними периферийным зрителем будет интересно.

Но мы хотим работать не в «перекормленных» городах. Если в каких-то местных картинных галереях нам создадут надлежащие условия, мы готовы организовать пусть не филиалы ГМИИ, но все-таки серьезно обозначить наше присутствие. Мы можем давать, допустим, на полгода одну коллекцию, потом менять ее на другую, можем читать лекции. То есть мы хотели бы духовно обогащать глубинку.

Для нескольких поколений советской интеллигенции выставки в ГМИИ западного искусства были окном в Европу. Но для вас самих, наверно, наиболее дороги шедевры Дрезденской галереи, которые после Великой Отечественной войны пришлось спасти вашим специалистам?

- После войны мы 10 лет работали с этими картинами - они были доставлены к нам из сырых штолен Германии, в которых их прятали фашисты. Их состояние было настолько плачевно, что те, кто видел тогда полотна из Дрездена, только разводили руками... Тем не менее мы спасли эти шедевры. Огромную роль в этом сыграли замечательные русские живописцы Павел Дмитриевич Корин, который тогда был заведующим реставрационными мастерскими музея, и его жена Прасковья Тихоновна.

В 1955 году всю коллекцию галереи мы передали Германии. Но перед отправкой картины четыре месяца демонстрировали в ГМИИ. Это сопровождалось совершенно ошеломляющим интересом у публики. Ведь во время войны музеи были закрыты. А тут сразу показывалось столько шедевров: Рафаэль, Тициан... И хотя работать нам пришлось чуть ли не круглосуточно, потому что люди все шли и шли, мы радо-

вались: зрители увидят эти произведения воочию.

Я слышал, сейчас в Дрезденской галерее уже нет табличек с надписями, кем были спасены ее шедевры, кто вернул им жизнь. Это правда?

- К сожалению, да. Раньше такие таблички были, но в последнее время их сняли. Вообще, вопрос о перемещенных ценностях по-прежнему остается болезненным. И хотя теперь в России он решен законодательно - на основе признания принципа компенсации за нанесение ущерба национальному культурному достоянию, ситуация по отношению к нам в принципе мало меняется. Если Советский Союз в свое время проявил благородство и передал коллекцию Дрезденской галерее, то из Германии подобного возврата наших культурных ценностей не было. И скорее всего никогда не будет, хотя 437 музеев, исчезнувших в СССР, - дело рук фашистов. Я считаю, если кто-то причиняет сознательный ущерб достоянию другого народа, как это было во время Великой Отечественной, то обязан за это отвечать. Тем более есть документы, в которых прямо сказано: славянская культура должна быть уничтожена, она ничего не стоит. Солдатам вермахта раздавалась даже специальная памятка на этот счет, о чем говорил американский обвинитель на Нюрнбергском процессе.

Я уже неоднократно говорила, что нужно выработать какое-то международное уложение, предусматривающее обязательную меру возмездия. Ведь одно дело, когда по условиям репарации возмещают материальными ценностями стоимость разрушенного завода, и совсем другое - утраченные духовные ценности. Их-то как возместить? Если бы такое уложение существовало, оно, думаю, охладило бы горячие головы и служило пре-

достережением. А поскольку в мире все время возникают поползновения нанести кому-то ущерб, то этот документ просто жизненно необходим.

Как вы считаете, современное искусство — я имею в виду не только изобразительное — обладает такой же глубиной мысли, экспрессией, способностью выражать свое время, как искусство минувших эпох?

- По-моему, самое трудное на свете - разобраться в том, что делается при твоей жизни, исторически верно понять ту реальность, в которой живешь. Я говорю и о творцах, и о тех, кто берет на себя смелость оценивать их творчество. Почему с таким благоговением мы относимся, например, к Павлу Михайловичу Третьякову? Да потому, что он обладал способностью открывать художников, талант которых еще не замечали другие, и приобретал их картины для своей галереи. Благодаря ему Третьяковка имеет сегодня крупнейшую коллекцию русского искусства. Подобной прозорливостью обладали и Сергей Иванович Щукин, и Иван Абрамович Морозов, которые собирали произведения французских мастеров - своих современников.

Что касается состояния современного искусства в новой России, то, на мой взгляд, оно пока больше удручает, чем обнадеживает. За последние 15 лет страну захлестнул поток низкопробной продукции. И собственной, и зарубежной. Влияние чужих культур на нашу отечественную оказалось в значительной степени пагубным. Если брать кинематограф, театр, то даже крупные талантливые режиссеры стали прибегать к приемам, не свойственным для России и, мягко говоря, недостойным. Их толкают на это прежде всего коммерческие соображения. К счастью, сегодня вечные ценности начинают снова выходить на передний план. Ситуация в живописи, графике, скульптуре такова: одаренные мастера есть, но абсолютно новаторских явлений, которых требует время, я не вижу.

Интересно, а в каких отношениях находится музейное дело и Интернет? Тут никакой близости не усматривается?

- Интернет - конечно, очень важное изобретение с точки зрения демократизации общества, его просвещения, доступности информации. Это, бесспорно, новый период в развитии культуры и цивилизации. И у нашего музея есть в Интернете хороший сайт, и специалист есть, чтобы развивать это дело дальше. Но, несмотря на то что я открыта прогрессу, выскажу и некоторые опасения.

XX век, особенно его вторая половина, был веком репродукции. Во всех смыслах. Однако важно найти такой баланс, чтобы репродукция (теперь еще и виртуальная) не заменила подлинник, а, напротив, вызвала желание увидеть его.

У меня есть, наверно, все записи Рихтера. Но я помню его в зале. Пусть иной раз даже с неверным «мазком». Но это и есть живое искусство! Если в XXI веке произойдет подмена оригинала его интернет-копией, это постепенно вытеснит театр, живопись, музыку... Да все!

Лично я против, чтобы Интернет стер человеческую рукотворность, подлинное творчество. В этом смысле, как бы технически совершенен он ни был, это очень опасный путь. Потому что выхолащивается мир прямого соприкосновения людей с Искусством: они постепенно утрачивают его понимание.

Наверно, счастье зависит и от осуществления задуманного? Вы человек счастливый?

- В общепринятом смысле - да. Все-таки жизнь у меня сложилась: есть любимая работа, любимая семья. Но, мне кажется, человек не может быть абсолютно счастливым или абсолютно несчастным. Думаю, и ощущение счастья возникает только по контрасту. Сейчас я занята тем, чтобы успеть сделать для музея, его будущего что-то еще.

Беседу вел
Николай ГОЛОВКИН